

УДК 171

Л.В. АВРАХОВА

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОСТУПКА В ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОМ ПОЛЕ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА**Аврахова Лаура Викторовна** – аспирант кафедры философии, Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)

В статье рассматривается экзистенциально-смысловое целеоправдание М.М. Бахтиным нравственного поступка в феноменологическом процессе осознания личностью ее долженствования и ответственности.

Ключевые слова: поступок, долженствование, ответственность, единственность индивида, незавершенность личности, неповторимость, свобода.

Аврахова Л.В. Феноменологія вчинку в інтерсуб'єктивному полі моральної філософії М.М. Бахтіна

В статті розглядається екзистенційно-сміслові цілеоправдання М.М. Бахтіним морального вчинку в феноменологічному процесі усвідомлення особистістю її повинності та відповідальності.

Ключові слова: вчинок, повинність, відповідальність, єдинність індивіда, незавершеність особистості, неповторність, свобода.

Avrakhova L. V. Phenomenology of action in intersubjective field of the M.M. Bakhtin's moral philosophy

The article deals with the existential-target semantic justification M.M. Bakhtin moral action in the phenomenological process of realizing her personality and the imperative of responsibility.

Keywords: action, obligation, responsibility, uniqueness of the individual, the individual incompleteness, uniqueness, freedom.

Постановка проблемы. По мнению многих современных философов, социологов и культуроведов, в современном цивилизационном обществе исчезает гуманистическое начало подлинно человеческого поступка. Нравственный релятивизм и прагматистский рационализм вытесняют непреходящие духовные ценности, ставя на их место меркантильные интересы потребительства. В социальных отношениях утверждается не самоценность личности, а ценность выгоды. Соответственно огрубляются, очерствляются и межличностные отношения. Поэтому проблема нравственности как подлинно человеческой «субстанции» всех деяний homo sapiens остается на сегодняшний день особо актуальной. Ответственный поступок является глубинным выражением нравственной сущности человека, и смысловое осознание его ценностного содержания должно быть императивной нормой социальной жизни каждого индивида.

Цель исследования – интерпретация поступка в феноменологическом контексте диалогической философии М.М. Бахтина, выявление в онтологической концепции Бахтина экзистенциально-смысловой связи личностного «поступления» с долженствованием и ответственностью. Хотя публикаций по теме бахтинского «поступления» имеется, казалось бы, немало (см.: Р.И. Александрова, Н.К. Бонецкая, С.Г. Бочаров, К. Кларк и М. Холквист, Ли Мун Ен, В. Ляпунов и др.), однако феноменологический формат понимания поступка, по нашему мнению, освещается недостаточно.

Ключевыми понятиями в понимании нравственного поступка являются ответственность и долженствование. У М.М. Бахтина они дополняются специфическим

понятием «единственность индивида», которое выступает своеобразной конкретизацией таких понятий, как «несовпадение с самим собою» и «незавершенность» индивида. Личностная незавершенность предполагает смысловую открытость поступка, являясь внутренним условием свободы и права человека на выбор мыслей, действий, ценностей. Индивидуально-личностная неповторимость этого выбора определяется единственностью занимаемой индивидом позиции: «ценностной установке необходимо занять единственное место в едином событии бытия» [2; с. 113].

Из этого единственного места человек, «несовпадающий с самим собою» и ни с кем другим, должен реализовать свое право на свободный выбор ценностно-смысловых ориентаций. Именно в диалоге личность самоутверждается и самореализуется через свою свободу, никогда не детерминированную и незавершенную извне. Подлинная свобода у Бахтина имеет форму интенционального и мотивированного поступка, диалогически ориентированного на другого.

Ответственность, по Бахтину, порождается диалогической структурой бытия. «Объективно», вне человеческого общения, ценность наших качеств и действий нейтральна, практически отсутствует. Однако мы всегда учитываем свои качества и поступки с точки зрения их возможного впечатления на других, ибо они – «тот фон», на котором ценностно воспринимают нас другие», и мы «ловим отражения нашей жизни в глазах других». Следовательно, мы начинаем оценивать свои действительные и возможные поступки, относясь к ним ответственно, предвосхищая даже то, «что произойдет после нашей смерти, результат

нашей жизни в целом» [2; с. 17]. Относительно природы ответственного поступка Бахтин исходит, прежде всего, из понятия единственности бытия человека. Единственность индивида – онтологический источник ответственности и долженствования.

Поступок всегда связан с пространственными и временными параметрами его осуществления, в которых он приобретает какую-то конкретную значимость. Это у Бахтина характеризуется термином «хронотоп». Как и в сюжетах художественных произведений (а «произведение – часть социальной действительности»), так и в жизненных ситуациях любые акты деятельности привязаны к определенному пространству-времени, что и делает их единственными событиями бытия. В этом пространственно-временном континууме человек занимает свое единственное место, удостоверяющее его «не-алиби в бытии». Он, объективно включенный в хронотоп жизни, вынужден как-то поступать соответственно диалогической архитектонике бытия. Но в этой «необходимой, неслучайной» архитектонике человек способен и должен реализовать свой свободный ценностный выбор.

Моя единственность – это исключительно мое бытийственно необходимое положение. Поэтому жизнь отдельного индивида в событии бытия, в силу ее единственности, никто не может заменить, и «это факт моего не-алиби в бытии», которое онтологически обязательно и которое невозможно отменить. Благодаря моему не-алиби в бытии, я неизбежно приобщен к единственности другого. И то, как я «со своего единственного в бытии места» вижу и знаю другого, «только я могу для него сделать» [1; с. 112]. Более того, я вынужден это делать, поскольку моя единственность обусловлена единственностью другого и приобретает смысл лишь в отношении к другому; здесь я – «в мире безысходной действительности, а не случайной возможности» [там же; с. 115]. Следовательно, поступок совершается только в событийности бытия. По существу, событие бытия и есть поступление – как переход из области возможности в область действительности, где мое бытие встречается с бытием другого, порождая событие. Данный, наличный мир, лежащий вне событийности, никак не связан с поступком, ибо в том мире у меня «алиби в бытии».

Только в соотношении с единственностью другого я могу реализовать и свою собственную единственность. И в этом соотношении и приобщении к другой единственности я должен осуществить свою единственность ответственно: от этого зависит смысловая полноценность и моей жизни, и жизни другого, онтологически вмняемой мне для ответственного поступка. Поэтому и «долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром» человеческого поступка [там же; с. 113]. Долженствование органически связано с ответственностью поступающего субъекта и реально возможно лишь при непосредственной

включенности индивида в диалогическую структуру событийного бытия.

Реальная ответственность индивида возможна лишь благодаря единственности его бытия. Лишь будучи единственным и «незаместимым» в «неслиянном» единстве с другим, он может занимать ответственную позицию относительно другого. Ведь только со своего единственного места я вижу в другом то, что не видит он сам в себе («избыток моего видения»). И, предпринимая какие-либо действия относительно бытия другого, я отвечаю и за жизнь другого, и за выбор своих поступков, соответственно формируя свою должную ценностную установку на эти действия. «Понять предмет, – пишет Бахтин, – значит понять мое долженствование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность. Только изнутри моей участности может быть понято бытие как событие» [1; с. 95].

Долженствование (как и ответственность), согласно Бахтину, нельзя помыслить как чисто формальную, абстрактно-всеобщую категорию. «Ни одно теоретическое определение и положение не может заключать в себе момент долженствования, и он не выводим из него» [там же; с. 85]. Долженствование приобретает свою подлинную значимость и смысл только в актуализированном поступке индивида (где бы он ни совершался). Оно «не имеет определенного и специально теоретического содержания». «Нет научного, эстетического и прочего долженствования», продолжает Бахтин, как «нет и специально этического долженствования в смысле совокупности определенных норм» [там же; с. 86], свода обязательных для всех и везде требований. Где и как должно поступать, решает сам поступающий исходя из своего единственного места в бытии и соответствующей событийной ситуации. Только в таком случае оно будет не «специально (выделено мною – Л.А.) этическим долженствованием», а просто нравственным долженствованием, независимо от того, где, в какой жизненной сфере оно свершается, но везде в зависимости от конкретного поступающего субъекта.

«Долженствование, – пишет М.М. Бахтин, – есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания... Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект, на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)» [1; с. 85].

Таким образом, долженствование – это не внешняя априорно заданная совокупность норм и требований, а внутренне переживаемая (и потому ответственная) установка субъекта в его индивидуально-неповторимом ценностно-ориентационном акте. И критерием подлинного

долженствования здесь является не общезначимая «истинность» теоретического суждения, а персональная ответственность самого поступающего. (Критерием истинности вообще Бахтин считает нравственность). В отличие от Канта, положившего в основу своей концепции категорию трансцендентально-априорного Долга, Бахтин акцентирует на категории ответственности, связывающей абстрактный императив Долга с конкретно заданным деянием-поступком, смысл которого осознается только в диалогическом общении с «другим». Тем самым категория ответственности фокусирует нравственность в сфере реальных межличностных отношений, в которых только и возможно должное и положительно продуктивное осмысление неповторимых в своей единственности поступков.

У Бахтина долженствование – это конкретно-практическая (событийная) позиция индивида, непосредственно включенная в феноменологический процесс субъектного освоения бытия и реализуемая в индивидуальнопереживаемом поступке. Вне эмоционально-волевого действия и живого «оплотнения» индивида в событии бытия долженствование бессмысленно.

Долженствование, следовательно, является практически-событийной категорией, предполагающей мой поступок лишь в непосредственном отношении к Другому, то есть как ответственный поступок, где я неизбежно «причастен единому и единственному событию бытия», а не предполагаю его абстрактно а-priori. Ведь вне ответственно поступающего сознания всякое бытие – это «в-себе-бытие». Оно становится «бытием-для-меня» только в «едином и единственном поступке» [1; с. 104].

Касаясь задач философии, Бахтин отмечает, что «современная философия (особенно неокантианство) достигла очевидных высот» [там же; с. 96]. Однако она не может пока решить «последние проблемы», связанные с долженствующим бытием индивида и его жизненным поступлением. «Хотя ее положения и имеют какую-то значимость, но не способны определить поступка и того мира, в котором поступок действительно и ответственно единожды совершается» [там же].

Современная Бахтину философия, которая стремится стать научной (неокантианство, прагматизм, структурализм и т.п. – «без-участная» философия), может быть «только специальной философией» отдельных областей культуры, где она выполняет роль методологии культурного творчества, исходя из некоего «теоретического и теоретизованного мира культуры». Но, по существу, она остается оторванной от конкретного источника культурного творчества, каковым является человек – человек, созидаящий не просто по «имманентному закону творчества» (творчества homo sapiens вообще), а как долженствующий и ответственный конкретный индивид, как «центр исхождения поступка».

В теоретизованном мире мы «поступаем не

от себя», а от имени той или другой культурной области, в которой ценностные ориентации заданы внешне (от имени самого института культуры). Но «на этом пути меня самого нет». Мир культуры и мир ответственного поступка оказываются разобщенными и изолированными друг от друга. Долженствование поступка для индивида выставлено извне, а ответственность за него становится внеличностной, абстрактной, недействительной. Эта коллизия внешнего и внутреннего долженствования снимается у Бахтина понятием «долженствование долженствования»: человек изнутри себя должным образом индивидуализирует (в своей ответственности) то, что предписано извне.

Категорический императив Канта выступает лишь «идеей чистой законности», и в этой идее содержанием закона «является сама законность», а всякий поступок должен быть «законосообразен». Поступок подчинен закону, изначально предписанному для индивида. Следовательно, поступок практически не зависит от субъекта действия. Теоретическая общезначимость уместна для юридической законности – как выражение идеи формальной справедливости, – но не для нравственного поступка, исходящего от индивида.

Кантовский моральный закон должен быть оправдан лишь как могущий стать нормой всеобщего поведения. На самом деле это оправдание происходит «путем чисто теоретических установлений: социологических, экономических, эстетических, научных», то есть извне. Сам по себе поступок «отброшен в теоретический мир с пустым требованием законности» [1; с. 101], перед которой конкретный индивид не может нести персональной внутренней ответственности. По сути же, «долженствование есть именно категория индивидуального поступка, даже более, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаменимости, единственной нудительности...» [там же; с. 100].

В ответственном поступке я «приобщаюсь к бытию», благодаря ему я «нахожу себя» не просто «в мире», – как это у Хайдеггера, – но в единственной точке этого мира, где никого другого нет. Поэтому «то, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено не может» [1; с. 112]. И потому я отвечаю за все, что исходит от меня.

Поступление автономного индивида дифференцируется у Бахтина на поступок внутренний и «внешний» («во-вне») поступок. Внутренний, изначальный, поступок (трактуемый в духе феноменологи) – это чистый акт интенции, лишь включение сознания, когда в отношении к жизненной ситуации индивид занимает исходную ценностную позицию, формирует смысловую установку безотносительно к какой-либо социальной норме целесообразности. Это «чистая субъективность» (эмоционально-психологическая, интуитивная, не рационально-сознательная), «вчувствование», не содержащее еще момента объективации, ценностной точки отсчета относительно Другого. Но уже здесь

объективно-предметный мир, как «мертвая» реальность, неповторимо оживает в творческом акте ответственного поступка.

В акте интенции, как в акте свободного определения этико-эстетической позиции, ориентация индивида детерминруется двойным долженствованием: как он должен поступать как представитель социума (внешне) и как он должен поступить как автономная свободная личность (внутренне). В первом случае поступок осознается со стороны его социальной целесообразности, во втором – со стороны его индивидуально-автономного смысла. Осознание индивидуального смысла автономного поступка Бахтин и обозначает как позицию «долженствование долженствования», на которой внешняя социальная целесообразность становится внутренней индивидуально-ценностной целесообразностью. Только в этом процессе социальная целесообразность может приобретать человеческое лицо.

Ограничиваясь только внешним долженствованием, мы парализуем внутреннюю личностную ответственность за свои поступки. И тогда получится то, о чем говорит Достоевский в статье «Среда», когда за любой отвратительный поступок, можно снять вину с себя, отгородившись словами «Если все так делают, то чего и мне нельзя». Во всем виновата среда: «Есть подлое устройство среды, а преступлений вовсе нет» [4; с. 17].

А в плане ответственной свободы личности Достоевский затрагивает проблему того, как общество с его определенными канонами может влиять на судьбы людей, приводя зачастую к гибели тех, кто не может смириться с законами такого общества и непониманием с его стороны.

Понятием «долженствование долженствования» решается вопрос о том, как согласовать автономный поступок с другими членами социума, без которых и индивидуально-автономное в личности теряет значение. Ведь природа человеческого индивида первоначально имеет все

же социально-историческую детерминацию; его психика – это «социальное, проникшее в организм особи» [см.: 3]. Поэтому в любом человеческом поступке – в его «естественной» потребности – так или иначе интериоризируется социальный способ жизнедеятельности. Тем более что только в социуме человек реализует свою диалогическую сущность.

Но поступок, как социально детерминированное деяние, не может считаться подлинно человеческим, нравственным, если он не канонизирован ответственностью. И только нравственно-ответственный поступок вызывает у человека этическую и эстетическую удовлетворенность и побуждает его к творчеству, к изменению собственного бытия, которое становится и социально целесообразным бытием.

Выводы. Человек, по Бахтину, не вещь объективной («нейтральной») реальности, а субъект, формирующий себя каждым своим действием и поступком. Он не может оправдывать свои действия «обстоятельствами», ибо апеллируя к ним, он волей-неволей отказывается от ответственности, без которой его действия не могут быть подлинно человеческими действиями. Я отвечаю за все, исходящее от меня, и это «все» – во мне, составляет мое бытие, мою жизнь, меня самого. Неокантианская категория ответственности стала для Бахтина исходным нравственным началом, в контексте которого решаются все онтолого-экзистенциальные проблемы человека – человека в культуре, в жизни, в социуме, в истории. Диалог, как смысловое отношение к себе и другому, выступает феноменологическим оформлением бытия ответственного индивида. По своей феноменологической сути, внутренний поступок (как определение нравственно-ценностной позиции в intersubъективной структуре бытия Я – Ты) – это переживание этико-эстетического долженствования относительно социально-значимого ответственного поступка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985 гг. – М., 1986. – С. 82 – 138.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 59 – 82.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-и т. – Ленинград: Наука, 1980. – 550 с.

Статья надійшла до редакції 27.05.2013